

люди искусства

ИСКАТЬ И НАЙТИ!

Л. ФИНК,

доктор филологических наук

Биография актера Куйбышевского академического театра драмы им. М. Горького Николая Михеева долгие годы и даже десятилетия складывалась так, что за ним словно закрепилось не совсем обычное амплу злодея. Какие только разновидности жестокости, предательства, нравственного уродства не приходилось воплощать Михееву в своей сценической жизни. Иван Грозный и Свидригайлов, белогвардейский заговорщик Штубе из «Разлома» и хищный мироед Квасов из драмы В. Киршона «Хлеб» выстраивались в один ряд, требуя от актера все новых и новых оттенков черного цвета. И всеобщая известность пришла к Михееву, когда он сыграл в телевизионном сериале «Вечный зов» по Анатолию Иванову жестокого изувера Демьяна Инутина.

Природа дарования Н. Михеева — в открытой энергии эмоций, и, наверное, поэтому он вызывает всегда эмоциональную активность зрителей. Это вновь подтвердилось на спектакле Куйбышевского театра «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Его Иудушка не стал еще одним «злодейским» злодеем в длинной серии подобных ролей. Ласковый кровопийца, искренне убежденный, что он поступает по справедливости, по-божески, по-родственному, — таков Порфирий Головлевы Михеева. Полное неведение героем своей преступности, абсолютная вера в естественность своего грязного и жестокого существования выражены актером так отчетливо, что он получил письмо от школьницы, признавшей, что она пожалела Иудушку, посочувствовала трудной его судьбе. И тут же, рассказывая о своем восприятии финальной сцены спектакля, девушка признавалась: «Я почувствовала, что сейчас выскочу на сцену и задушу вас (нет, не вас, конечно, а Иудушку)».

Думается, этот конечный вывод говорит не о двойственности восприятия, а о тонком и сложном рисунке роли, созданной актером. Путь актера к такой сложной психологической правде во многом связан с Куйбышевским академическим театром, где Н. Михеев работает второе десятилетие. Здесь он дебютировал в роли Рогожина в спектакле режиссера П. Монастырского «Идиот». А затем по первой программе Всесоюзного телевидения был показан спектакль «Зыковы», в котором Н. Михеев выступал в роли Антипы.

Роль Антипы Зыкова далеко не сразу удалась акте-

ру. Между театральной премьерой и телеспектаклем прошло несколько лет. В спектакле 1974 года Антипа был еще недостаточно отделен от Рогожина, темная и страшная страсть слишком очевидно преобладала над духовными поисками, тоской об идеале. Телезрители увидели уже иного Антипу, горько осознавшего несправедливость своего купеческого житея и яростно ищущего смысл и красоту жизни. Перемены в художественном мышлении актера, обнаружившееся у него тяготение к психологической сложности, наверное, связаны с тем, что руководитель театра П. Монастырский раскрыл перед ним новую художественную перспективу. На этом пути уже есть очевидные вехи — Непряхин в «Золотой карете», Кэлин Абабий в «Святая святых» и Друзь, Егор Полушкин в спектакле «Не стреляйте в белых лебедях» по роману Б. Васильева.

Роль Непряхина после столетних гастролей театра была отмечена Государственной премией РСФСР. Значение этой высокой оценки подчеркивается тем, что Москва видела замечательного Непряхина — А. Грибова. Было бы неразумно и попросту бестактно писать о том, что можно прожить жизнь Непряхина — органичнее, естественнее и правдивее, чем это сделал А. Грибов. Но Михеев показал, что это можно сделать и несколько иначе. Грибов высвечивал надежность, честность, основательность Непряхина. На таких внешне неказистых, лишенных всякой позолоты, крепких и цельных людях воистину держалась и держится русская земля. Грибов раскрывал силу Непряхина, его ум и волю. Рисунок Михеева во многом аналогичен. Но актер сумел перевести леоновскую мысль на язык чувств, раскрыть в Непряхине его открытое, сильное, щедрое сердце.

Когда в театре решили ставить пьесу Иона Друзь «Святая святых», то не было сомнений, что гвардии рядового Кэлина Абабия должен играть Михеев. В этой роли явственно различимы многие черты Непряхина. Но и в поэтике самой пьесы, и в ее национальной специфике, и в биографии бывшего солдата много особенностей, требующих от актера иных решений, иных средств выразительности. И вновь мы увидели, а точнее говоря, испытали неотразимое воздействие михеевской эмоциональности. В его Кэлине бросалось в глаза сочетание какой-то особой значительности, весомости каждого слова и жеста с

предельной экспрессией. Он стремителен, но не суетлив, как-то спокойно стремителен, и в этом необычном сочетании сказывается его абсолютная убежденность в своей правоте и неиссякаемая жажда действия во имя утверждения этой правоты, утверждения веры в святые основы естественной жизни.

Казалось, Михеев теперь уже договорил до конца все, что можно сказать о человеке непрыхинской породы — о подлинном величии простого человека, отдающего все свои силы борьбе за святую народную жизнь. Но вот театр продолжил эту тематическую линию, и родился очень значительный спектакль «Не стреляйте в белых лебедях». В нем Николай Михеев сыграл роль плотника Егора Полушкина.

Н. Михеев создал воистину большой характер, и этот внешне количественный эпизет призван выразить прежде всего масштабы духовного богатства Егора Полушкина. Бесчисленное количество раз звучит со сцены его корявое присловье: «Да уж, стало быть, так, раз оно не этак». Какая очевидная опасность — вызвать смех, а то и просто надоесть зрителю нудным, назойливым повтором. Однако в музыке актерской речи нет и намека на унылое однообразие. Наоборот, в огромном диапазоне интонаций каждый раз раскрывается иное чувство — от торжества до отчаяния, от гордого сознания человеческого достоинства до страстной обиды за то, что есть еще и такие люди, что грязнят и топчут родную землю.

В роли Полушкина сплетается многое из того, что играл Михеев раньше, сплетается в один образ, поражающий цельностью, эмоциональностью и человеческой силой. И эта линия получила неожиданное развитие в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана. Уверенно и убедительно играет Н. Михеев коммуниста Девятова. Его герой — человек спокойный, сильный, несколько отстраненный от житейской суеты, безгневный по отношению ко всякой пошлости, лжи, грязи. Он холодноват, суховат, корректен. И когда он внезапно обнаруживает, как интриганы пытались играть с его честностью и прямотой, он взрывается, и Михеев с подлинным и очень сильным темпераментом произносит его монолог-призыв, его гимн гражданской активности.

Так в творчестве Михеева окончательно определилась новая и как бы неожиданная доминанта — прекрасный обыкновенный человек. И теперь настала пора сказать, что в решительном повороте его судьбы мало видеть только обогащение творчества одного актера или только счастливый результат его встречи с прозорливым режиссером П. Монастырским. Здесь важно понять и отражение более общих, более значительных причин: движение времени, неодолимо возрастающий интерес нашего общества к рядовому труженику, к его внутренней духовной красоте.

Воспринять все эти серьезные социальные перемены Н. Михееву помог, конечно, его талант художника. Но не только талант. Немалую роль сыграли и особенности его жизненного опыта. Биографию Николая Александровича нельзя исчерпать повествованием о театре. Он принадлежит к тому поколению, которое первые серьезные испытания узнало в годы войны. «Из шестнадцати моих одноклассников День Победы встретили только трое», — сурово и горестно сказал он однажды.

Лишь в двадцать четыре года демобилизованный старшина Н. Михеев начал свою театральную учебу. Время, прошедшее с тех пор, он никогда не замыкал в одних сценических интересах. Еще начинающим актером вступил в партию и навсегда стал активным участником общественной жизни. И в Куйбышевском театре коммунисты не раз вверяли ему руководство партийной организацией. На областной партийной конференции народный артист РСФСР Н. Михеев избран в состав областного комитета КПСС. Кстати, делегаты конференции дружно аплодировали своему товарищу, сыгравшему специально для них государственного человека Егора Полушкина.

Народный артист РСФСР
Н. Михеев.